



К ЮБИЛЕЮ ПОБЕДЫ

МАРШАЛ ЖУКОВ - МОЙ ОТЕЦ

(Из воспоминаний дочери маршала Жукова)

Где соковице ваше, там будет и сердце ваше...
Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 21



(Продолжение. Начало на 4 полосе.)

были отцу дороги, хотя и не предвещали ему ничего хорошего от властей.

Сохранилось много воспоминаний о фронтовой жизни отца.

Николай Харлампиевич Бедов, начальник охраны, рассказывал о таком эпизоде на фронте, происшедшем 11 июля на Курской дуге: «Прежде чем отдать приказ Ставки о наступлении Брянскому фронту, Жуков приехал к месту намеченного удара. Машину оставили в леске, примерно в километре от передовой. Далее он пошел пешком с командующим фронтом М. М. Поповым. Уже у самой передовой сказал: «Теперь вы останьтесь, а я один». Надо было ему убедиться, что местность для рывка танков выбрана без ошибки. Пополз. Я - за ним. У нейтральной полосы Жуков внимательно осмотрел местность. Вдруг начали рваться мины, - видно, немцы заметили нас. Одна - впереди, другая - сзади.

«Третья будет наша!» - крикнул Жуков.

Я рванулся и накрыл маршала своим телом. Мина разорвалась в четырех метрах, к счастью, на взгорке — осколки верхом пошли. Но взрывом нас сильно потрянуло — мы оба были контужены».

На отношении отца к солдатам хотелось бы остановиться особо.

В 1956 году К. Симонов встречался с отцом и вспоминал, что он в то время страстно желал восстановления доброго имени людей, оказавшихся в плену во время войны и осужденных как предатели Родины. Отец с возмущением говорил: «Мехлис додумался до того, что выдвинул формулу «Каждый, кто попал в плен, - предатель Родины» и обосновывал ее тем, что каждый человек, оказавшийся перед угрозой плена, обязан был покончить жизнь самоубийством, то есть, в сущности, требовал, чтобы ко всем миллионам погибших на войне прибавилось еще несколько миллионов самоубийц. Больше половины этих людей были замучены немцами в плену, умерли от голода и болезней, но, исходя из теории Мехлиса, выходило, что, даже вернувшись, пройдя через этот ад, должны были дома встретить такое отношение к себе, чтобы они раскаялись в том, что тогда, в 1941-м или 1942-м, не лишили себя жизни». Позорность формулы Мехлиса отец видел в недоверии к солдатам и офицерам, в несправедливом предположении, что все они попали в плен из-за собственной трусости. «Труссы, конечно, были, но как можно думать так о нескольких миллионах попавших в плен солдат и офицеров той армии, которая все-таки остановила и разбила немцев?! Что же, они были другими людьми, чем те, которые потом во-шли в Берлин? Были из другого теста, хуже, трусливей?»

Нужно сказать, что отец не только вызволил из заключения многих своих сослуживцев, но простил тех, кто, не выдержав мучений, наговаривал на него всякие небылицы, подписывали то, что подсовывали чекисты (в основном это касалось организации «заговора» против Сталина). Он говорил о них: «Эти люди были поставлены в крайние условия, их били и унижали. Они не ведали, что творили, и я не держу на них зла».

Отец был единственным Маршалом Советского Союза, уволенным в отставку и подверженным травле в таких масштабах. Он был полностью отстранен от родной армии, вообще от какой бы то ни было работы. Он писал Хрущеву, просил предоставить любую работу: мог командовать округом, возглавить военную академию, даже стать просто рядовым (!) преподавателем. Но получал сухие отказы: «В настоящее время предоставить Вам работу представляется нецелесообразным».

Оболганный и отправленный в отставку в октябре 1957 года, отец не потерял присутствия духа. Со свойственным ему чувством юмора, помогавшим ему преодолевать самые тяжелые минуты, он сказал: «Может, хоть отосплюсь. Я так много за войну недоспал».

О свойственной ему манере шутить, не обижая и не унижая достоинства человека, деликатно, как-то очень по-умному, говорит следующий эпизод, описанный художником Павлом Кориным, который писал его портрет.

Павел Дмитриевич спросил: «Георгий Константинович, мне, признаться, уже в первый час нашего знакомства там, в Берлине, хотелось задать вам вопрос. Вот вы, профессиональный воин, военачальник, и на этом ратном поприще вполне

состоявшийся, достигший, можно сказать, максимума в своей военной карьере. Скажите мне, пожалуйста, вы ни о чем не жалеете в своей жизни?» Мгновенно посерьезнев, маршал ответил: «Конечно, жалею, да еще как! Если бы вы знали, дорогой Павел Дмитриевич, какой во мне скорняк погиб!» (В юности он обучался ремеслу скорняка. Потом была Первая мировая война, где он за храбрость был награжден двумя солдатскими Георгиевскими крестами и двумя Георгиевскими медалями.)

У отца были хорошие голос и слух, он пел и подыгрывал себе на баяне, выучившись во время войны у солдата Ивана Ивановича Усанова, служившего в его охране. Причем, как вспоминал учитель, ученик его прилежно слушался. Генерал армии С.М. Штеменко вспоминал, как во время войны случайно ночью перед боем услышал, как Жуков играл на баяне: «Я вернулся к себе и только собирался прилечь, как услышал приглушенные звуки баяна. Кто-то мягко выводил грустную, всем тогда знакомую мелодию. Я выглянул в дверь и увидел Георгия Константиновича. Он медленно растягивал мехи баяна, присев на порог землянки. За первой мелодией последовали вторая, третья, такие же сердечные. Все это были добрые наши фронтовые песни («Темная ночь», «Дороги», «Соловьи» и другие. — М.Ж.). Мастерства у музыканта не хватало, но играл он с подкупающим усердием. Я долго стоял у двери, не шелохнувшись...»

Отец делил людей на искренних и неискренних, которые «себе на уме». Сам же никогда не кривил душой, ему всегда было присуще обостренное чувство справедливости.

Однажды на каком-то торжественном собрании к Жукову протиснулся подвыпивший старый большевик Ермаков. Представляясь, объявил, что он тот самый Ермаков, который участвовал в расстреле царской семьи, и протянул руку для пожатия.

Он ожидал привычной реакции — удивления, расспросов, восторга. Но маршал повел себя по-другому, чего Ермаков никак не ожидал. Он сказал, по-жуковски твердо выговаривая слова: «Палачам руки не подаю».

Когда в октябре 1957 года на пленуме ЦК КПСС произошла настоящая расправа над отцом, на его родине, в Угодско-Заводском районе тоже проходил пленум. После него перестали расчищать снег возле бюста, который стоит в сквере, в самом центре тогдашнего села. Как-то в пятницу бригада плотников, простых, немолодых уже мужиков, «шабашников», как их звали в народе, но настоящих рабочих, пришли к бюсту отца, сняли шапки и начали с постаменты шапками сметать снег. А бюст стоит как раз напротив двухэтажного здания районного комитета партии, там кто-то заметил, позвали секретаря, завотделами, которые долго стояли у окон и смотрели, как мужички все расчистили, взяли котомочки и разошлись. Без слов. Говорят, что на второй день негласно была дана команда — стали расчищать снег у бюста и с тех пор не прекращали.

Однажды отцу была предложена анкета, сохранились его ответы на некоторые вопросы.

- Что вы считаете главным в жизни человека?
- Сознание выполненного долга.
- Какое качество в людях цените больше всего?
- Честность!
- У мужчины?
- Мужество и смелость!
- У женщины?
- Верность и нежность!
- Ваш любимый цвет?
- Цвет неба, голубой.
- Любимый писатель?
- Лев Толстой, Михаил Шолохов, Александр Твардовский.
- Самый талантливый русский полководец?
- Суворов и Кутузов — их разделить нельзя.
- Любимый композитор?
- Чайковский.
- Что не прощаете людям?
- Предательство!
- Знакомо ли вам чувство зависти?
- Да! Всегда завидовал Буденному — очень он виртуозно на баяне играл, мне до таких высот было не подняться!

Он знал, всегда чувствовал, что его любили, даже боготворили, но не выносил похвалы, тем более лести. Знал он, что его и ненавидели, думаю, и догадывался, почему. Он ни в чем не оправдывался, честно признал свои ошибки, промахи и недостатки. Он попросил прощения у тех, перед кем чувствовал себя виноватым, и уходил умиротворенным, знающим цену всему: людям, которых не перестал любить несмотря ни на что, дружбе, любви, предательству, высоким постам и человеческой славе, которую туда не возьмешь... Он знал цену силе духа, делающей людей героями. Познал он и цену человеческой немощи, поэтому умел не таить обиды и прощать — поэтому светла душа его, и это чувствовали люди по улыбке, по доброте глаз».

Как-то сами собой из глубины памяти всплывают кадры, много-много раз виденные мною в документальном кино...

24 июня 1945 года. Парад Победы на Красной площади. День Святой Троицы! К Спасским воротам по территории Кремля медленным шагом едет на белом коне всадник. Он крепок и силен, как Илья Муромец, и уверенно сидит в седле. Он снимает фуражку, незаметно налагает на себя крестное знамение. Он сосредоточен и внутренне взволнован. Через минуту будут бить часы на Спасской башне, и под звуки «Славься» белый конь понесет его по Красной площади навстречу вечности.